

ROMAN SZUBIN

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7603-5336>

ОТНОШЕНИЕ МИХАИЛА ПРИШВИНА К ИДЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКОВ)

THE ATTITUDE OF MIKHAIL PRISHVIN TO IDEOLOGY ON THE MATERIAL OF DIARIES

The article deals with the problem of writer Mikhail Prishvin's attitude to socialist ideology. The Diaries of Mikhail Prishvin from 1920 to 1954 are analyzed. The author proposes a periodization of creating the concept of the All-Man, which correlates with social phenomena. The dynamics of Prishvin's attitude to ideology from total rejection to an attempt to understand socialism is shown. Especially distinguished motives of collectivism and infantilism as the main features of a socialist man. The author draws attention to the fact that for Prishvin socialism and fascism (nazism) are very similar.

Keywords: Mikhail Prishvin, socialism, collectivism, infantilism, One-man, person.

1. Дневники Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954), без всякого сомнения, можно назвать самой важной его книгой, а грандиозную попытку освоить социализм в категориях собственной художественной системы – одной из самых интересных, противоречивых тем. В данной статье, с учетом ограниченного объема, мы сосредоточимся на записях тридцатых и сороковых годов.

2.1. Связывая личную жизнь писателя с перипетиями русской истории (три революции, две мировые войны, гражданская война, смена исторических формаций, установление тоталитарной идеологии), можно прийти к интересным наблюдениям. Юношеская драма безответной любви была пережита Пришвиным в 29 лет; в 30 лет начинается долгий (формально на 37 лет) брак

с неграмотной крестьянкой, а в 67 лет женится второй раз на Валерии Лиорко. В 34 года выходит первая книга. В 40 лет писатель со страной вступил в Первую мировую войну, в 44 года – в революцию, в 56 лет – в год «великого перелома» (1929), в 68 лет – в Великую Отечественную. В свой 60-летний юбилей Пришвин посетил строительство Беломорско-Балтийского канала (1933), 70-летний юбилей отметил в эвакуации, в селе Усолье (1943). В 80 лет узнал о смерти Сталина.

Что можно сказать? Ко всем событиям писатель подходил, с большим запасом опыта, с некоторым опозданием и одновременно с радостью первооткрытия. Перед каждым событием в Пришвине обнажается то ребенок, то мудрец, мудрец и ребенок в одном лице. Творческая, гениальная, инфантильная личность, образ ребенка-инфанта были приоритетной ценностью в мировоззрении писателя. Учтем идею, что инфантилизм – характерная черта советского общества, в соответствии с формулой Георгия Гачева: «Патернализм сверху и инфантилизм во мне, в моей душе»¹.

2.2. Таким образом, осуществляя задачу вхождения в новую «эпоху соборности»², писатель проявлял неистребимый индивидуализм и часто шел вразрез с общепринятым направлением. Совершался своего рода ребяческий побег от людей, архетипической моделью которого может служить неудавшийся побег Михаила Пришвина в Азию в годы учебы в гимназии (1883 год). Кстати, это одно из немногих событий в жизни писателя, адекватных психологии ребенка и его возрасту. «Побег от людей» проявлялся всякий раз, когда речь шла об участии в группировках, партиях, организациях, кружках и т.д. Пришвинский персонализм, очевидно, является проявлением «русской тяги к иному», одной из форм инакости – «самости каждого 'я'», «чувства собственной исключительности»³.

Но с другой стороны, конечной целью творческих и жизненных усилий Пришвина утверждается стремление не освободить личность от общества, а слить ее с родовыми и коллективными формами бытия в поле «единого человека», «Всегочеловека»,

¹ Г. Гачев, «Я – советский человек...», «Независимая газета» 2 января 1994, <http://vivovoco.astronet.ru/VV/NG/GACHEV.HTM> (24.11.2017).

² М. Пришвин, *Дневники. 1932–1935*, Росток, Санкт-Петербург 2009, с. 577.

³ В. Айрапетян, *Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски*, Институт Святого Фомы, Москва 2011, с. 5, 302, 365–366.

построить идеальную общность «всех как одного человека». Идея же «собрания всего человека» звучала в унисон с советскими идеологемами (приоритет коллективного, готовность к жертве, ненависть к чужому).

2. 3. Мы назвали такую личность, которую пытается сконструировать Пришвин, гибридной личностью. В ней совмещаются крайности индивидуализма и коллективизма, неизжитая инфантильность и зрелость, жесткий устав отказа от личного и стремление быть как дети (для реализации социалистических и евангельских идей). Эти крайности не усредняются, не нивелируются и не синтезируются, а наполняют интеллектуальную жизнь писателя постоянным напряжением и противоречиями. Поэтому отношение к власти и стоящей за ней идеологии строится по принципу «притяжения и отталкивания»⁴. В такого рода личности почти одновременно проявляется «бегство в природу» как порыв к защите личного начала и тенденция к «приспособлению к требованию современности»⁵, то есть к режиму, обеспечивающему писательскую легитимность.

3.1. Социализм – фашизм. Первая идеология, которая приобрела лицо и название, это идеология фашизма, чужая идеология. Вглядываясь в чужое, Пришвин начинает вырабатывать отношение к своему. В первый раз слово «фашист» появляется в дневнике 1924 года, хоть в ироническом смысле, но в знаменательном контексте – «добрый фашист»⁶. В 1936 году появилась и была зачеркнута фраза «русский фашизм»⁷. В 1939 году Пришвин испытывает злорадный восторг от пакта между коммунистами и фашистами.

3.2. Отношение к фашизму двойственное. В публичной литературе Пришвин пишет рассказы против фашизма, в дневниках же позволяет себе сопоставлять его с социализмом. Идея родства фашизма и социализма прослеживается на протяжении тридцатых годов.

Обе идеологии целенаправленно и принудительно эксплуатируют коллективно-родовые инстинкты, ограничивают личность и гражданские свободы, подчиняют человека государству, служат усилению государственной диктатуры, способствуют ми-

⁴ А. Варламов, *Пришвин, Молодая гвардия*, Москва 2003, с. 29.

⁵ М. Пришвин, *Дневники. 1930–1931*, Росток, Санкт-Петербург 2006, с. 397.

⁶ М. Пришвин, *Дневники. 1923–1925*, Русская книга, Москва 1999, с. 189.

⁷ М. Пришвин, *Дневники. 1936–1937*, Росток, Санкт-Петербург 2010, с. 299.

литературы общества и паразитируют на бедственном экономическом положении.

С выходом на авансцену вслед за итальянским немецкого фашизма, а затем испанского, чешского, японского фашизма Пришвин стал говорить о национальном характере идеологии. Национальный фактор фашизма связан с реанимацией родового, архаичного сознания и усилением народности. В свою очередь, социализм видится русскому писателю наднациональным, общечеловеческим. Различие между национальным и наднациональным, впрочем, очень тонкое, неуловимое: «Внутри СССР скрытое устремление к роду, такое же, как у фашистов, *только песня другая*»⁸.

Посредством фашизма Пришвин осмысливает социализм, но сравнение большей частью работает на социализм, более гуманный в воображении писателя. В записях 20-х – начала 30-х годов отчетливо показано, что фашизм и коммунизм различаются как западная и русская («красная») концепции соборности. Различие фактически заключается в наличии машинного производства у первого и отсутствии его у второго:

Фашизм противоположен коммунизму: первый вызывает творческую личность из недр для работы вне классов и для всех классов [разрядка наша — Р.Ш.], второй напротив, устремляется к классу и творчество жизни возлагает не на собор внеклассовых личностей, а на коллектив машинно-принудительно организованных классовых единиц⁹.

Как видим, существенным оказывается этический признак: социализм лучше, «человечнее» фашизма, потому что социализм «вызывает творческую личность из недр для работы вне классов и для всех классов». Но что скрыто за этой формулировкой, помимо того, что в русской идеологии высшей ценностью объявлены классы, а в западной – нация? Кажется, что писатель непроизвольно проговаривается о том, что в русском социализме быстрее оформился культ надмирной личности вождя, земного бога, который находится вне классов, но их организует. Эта программная запись была сделана 20.04.1930 года, на Пасху: к 1929 году в СССР сложился культ личности Сталина, а до прихода к власти Гитлера оставалось еще 3 года.

⁸ М. Пришвин, *Дневники. 1938–1939*, Росток, Санкт-Петербург 2010, с. 230.

⁹ М. Пришвин, *Дневники. 1930–1931...*, с. 85.

В том же, 1930-м, году, Пришвин осмысливает ударную индустриализацию в военных терминах, в качестве «скрытого фашизма», и с горечью пишет, что Россия должна по необходимости пройти путь фашизма и неминуемо вступить в войну¹⁰. Эта мысль оказалась пророческой. Идея социализма как «скрытого фашизма» очень конструктивна и используется для двух целей одновременно: для пропаганды идеи единства и для критики издержек социализма.

3.3. Говоря же о противопоставлении фашизму, Пришвин использует не социалистические, а русские, архетипические формы. То есть фашизм смыкается с социализмом, но противостоит русскому. Если коммунизм содержится в русской ментальности в качестве зародыша, «питательного начала» (ср. биологическую версию коммунизма)¹¹, то фашизм проявляется как дурное отражение социализма, в котором писатель волен то узнавать, то не узнавать себя. Например, фашистами писатель именуется черносотенцев (националистов) и органы ОГПУ; фашистскими называются идеи строительства, преобразования, прогресса, производства, развития техники. Фашистское начало писатель видит в фигуре работника, деятеля, строителя, культуртрегера – в том, что наносит вред «органическому работнику жизни» и «новой» (социалистической) семье¹² и представляется чужеродным в русских сказках, для русского леса, «чащи Берендея». Исходя из позиции идеологической самости, неслучайным представляется, что фашизм связывается с чужим и сугубо национальным движением, а социализм – с общечеловеческим, в основу которого, тем не менее, вкладывается русское национальное самосознание.

3.4. Идея фашистско-коммунистического согласия достигает апогея в начале сентября 1939 года. В эти дни на страницах дневника широко обсуждается «пакт» между СССР и Германией. Договор между двумя воинственными идеологиями, известный сегодня как пакт Риббентропа–Молотова, потряс неготовую к этому советскую общественность и обнаружил много общего между ними. Он потряс и Пришвина, но писатель, неожиданно для себя, сделал из него иные выводы в записи от 11.10.1939:

¹⁰ Там же, с. 132.

¹¹ М. Пришвин, *Дневники. 1944–1945*, Новый Хронограф, Москва 2013, с. 328.

¹² М. Пришвин, *Дневники. 1932–1935...* с. 368.

ОТНОШЕНИЕ МИХАИЛА ПРИШВИНА...

Эти «лучшие» люди Европы протестуют, но я-то, я-то, считающий себя в смертельной оппозиции, почему я чувствую одно только удовольствие от союза с немцами?

Вероятно, что я этого и желал. Но как я мог желать и когда у меня началась эта симпатия к «Надо» (вместо «Хочу»).

Это началось еще во время оно (когда я стал писать) и кончилось, когда я отрекся от «разумников»¹³ [10, 443].

В этих словах, скорее всего, речь идет о глубинном недоверии либерально-демократическому дискурсу, который на протяжении нескольких десятилетий связывался с именем философа и критика Иванова-Разумника (1878–1946). Интересно, что Пришвин до конца сохранял с ним приятельские отношения, помогал репрессированному другу. Однако доктринально они принадлежали к противоборствующим лагерям. Ярый защитник индивидуалистических и демократических ценностей, Иванов-Разумник связывал прогресс человечества с движением к революции. Но русская революция окончилась тоталитарной системой – этого доктрина Разумника не предусматривала. Пришвин же, воспринимая революцию как катастрофу, сумел выработать систему выживания при тоталитаризме.

4.1. Коллективизация и индустриализация (1929–1934). Переходя к теме русского социализма, еще раз обратимся к революции. Недоверие к ней проистекало оттого, что революция усреднила человека, лишила его высокого призвания, таланта, гениальности, чувства преемственности с прошлым¹⁴. Одновременно революция обнажила крах веры в гуманизм, присущей демократически настроенной интеллигенции в предреволюционный период: «Гуманизм – это отстой жизни...»¹⁵.

С 1929 года намечается период своеобразной санации – исцеления от гуманизма за счет появления надличностных и соборных ценностей. В коллективизацию 1929–1930 годов Пришвин занимает нейтральную, отстраненную позицию, иронично фиксируя лицемерие происходящего. В кулаках и зажиточных крестьянах Пришвин видит опору крестьянской среды. В то же время необдуманные действия партии приводят к лицемерию,

¹³ М. Пришвин, *Дневники. 1938–1939...*, с. 443.

¹⁴ См. F. Arapowicz, *Народная жертва. Образ революции в повести М. Пришвина Мирская чаша*, «Studia Rossica XII» (*Literatura rosyjska na rozdrożach XX w.*), Warszawa 2003, с. 31–43.

¹⁵ М. Пришвин, *Дневники. 1930–1931...*, с. 25.

предельно выразившемуся в статье Сталина *Головокружение от успехов*, в которой вина за «головотяпство» перенесена на самих исполнителей, а насильственная коллективизация объявлена добровольной¹⁶.

4.2. Эти общественные процессы сдвигают с мертвой точки размышления Пришвина. В его дневниках начинают доминировать идеи коллективной ответственности, утверждается личность нового образца – представительная личность, исходящая из «всего человека», которую Вардан Айрапетян называет «мировым человеком»¹⁷. Он начинает писать о коллективизме, не заданном и навязанном «социалистическим принуждением», а данном, свободно и добровольно принятом, достигаемом жертвенным отказом от «всего личного» во имя «единства всего человека». Создается своеобразный вариант имперсональной антроподицеи, которая в прозе 30-х годов воплотилась в художественную концепцию «родственного внимания»¹⁸.

Однако при этом сохраняется раздвоение между внешней жизнью советского писателя и его личной жизнью в «эпоху соборности»:

Официально мы живем в эпоху соборности и от нас требуется, чтобы мы эту нашу достигнутую повседневность соборности относили к территориально далеким друзьям, томящимся в оковах буржуазного мира: это вот и есть социалистический реализм. [...] В сокровенности жизни все происходит иначе...¹⁹.

Во внешней жизни власть покупала Пришвина, одаривала его материальными благами: премиями, персональным автомобилем и четырехкомнатной квартирой в центре Москвы; в дневниках же усиливалась проповедь жертвенности, поиски формулы бессмертия и «собираения всего человека».

5.1. Период террора (1935–1940). В 1937 году складывается ключевая оппозиция «Хочу/Хочется» и «Надо». Она отображает все мыслительные построения Михаила Пришвина, антиномию личного и общего, двойственное отношение к идеологии социализма. В концепте «Хочу» воплощается весь творческий потенциал личности, самость, инфантильность и свобода лич-

¹⁶ М. Пришвин, *Дневники. 1930–1931...*, с. 43 и сл.

¹⁷ В. Айрапетян, *Толкуя слово...*, с. 348–349.

¹⁸ М. Пришвин, *Дневники. 1928–1929*, Русская книга, Москва 2004, с. 162–163.

¹⁹ М. Пришвин, *Дневники. 1932–1935...*, с. 577.

ности, ощущающей себя бессмертной по пришвинской формуле «Все умрут, а я-то как-нибудь проскочу»²⁰. В этой фразе нельзя не заметить фразу подпольного человека: «Я-то один, а они-то все», которая, с точки зрения Вардана Айрапетяна, является классической формулой собственной исключительности, инакости «Я сам», или самости²¹.

В «Надо» же заключается безличная общность, единство и целостность мира, иначе – чуждость, инакость чужого. Чуждость «Надо» подчеркивает и сам Пришвин, связывая «Надо» с «немецкой работой»²², и в годы войны заменяет «надо» немецким словом *die Pflicht* (долг): «Начинаю понимать немецкое *Pflicht* как *сладость повинования*»²³. Если «Я» у Пришвина бессмертно, то и «Надо», образуя целостность всего человечества, является коллективной формой бессмертия. Раскрыть условия этого бессмертия Пришвин, очевидно, и надеялся в идеях социализма.

5.2. Проблематику синтеза русского «Хочу» и немецкого «Надо» Пришвин наблюдает в исторической перспективе, сопоставляя две эпохи: «немецкие» реформы Петра Первого и пятилетки «социалистического принуждения». Именно в эти периоды происходит насильственное огосударствление русского народа, а у Пришвина предпринимается попытка «оправдания насилия» при помощи «Петровой дубинки, образующей охрану единства души человека»²⁴. С оговорками писатель признает тотальное подавление личного начала и пропаганду необходимости массовой жертвы во имя будущего «Всего человека».

В 1937 году Пришвин работает над повестью *Падун*, которая ляжет в основу романа *Осударева дорога* (1948). Это самые «идеологические» произведения, в которых писатель задолго до Александра Солженицына затронул тему лагерного труда и человеческих жертв. *Падун* был опубликован фрагментарно, а *Осударева дорога* увидела свет лишь после смерти писателя. В них отображена символическая связь времен: дорогу, проложенную Петром через леса и скалы для соединения Белого и Балтийского морей, продолжают при Советской власти. Только на этот раз

²⁰ М. Пришвин, *Дневники. 1942–1943*, Росспэн, Москва 2012, с. 568.

²¹ В. Айрапетян, *Толкуя слово...*, с. 151, 290.

²² М. Пришвин, *Дневники. 1936–1937...*, с. 413.

²³ М. Пришвин, *Дневники. 1940–1941*, Росспэн, Москва 2012, с. 425.

²⁴ М. Пришвин, *Дневники. 1950–1951*, Росток, Санкт-Петербург 2016, с. 113.

не дорогу строят, а Балтийско-Беломорский канал. Другой символический момент также подпирает сюжет, но и обнажает его этическую несостоятельность. Строительство осуществлялось ценою жизней десятков тысяч крепостных крестьян при Петре и «заключенных каналаармейцев» (от этого высокопарного названия осталось только сокращение – з/к, иначе «зек») под надзором НКВД.

5.3. Кроме того, образ Всегочеловека – персонифицированной всечеловеческой общности, все увереннее приобретает черты лидера советского государства. Уже после войны Пришвин позволяет себе положительно отзываться о Сталине, в нем сошлись крайности: безличное «Надо» и личное «Хочу». Он символизирует момент единства личного и общественного по формуле «Сталин весь не для себя»²⁵. По мнению писателя, собирая в себе отдельные человеческие воли и умы, Сталин представляет собой не абстрактного партийного левиафана, а «единую личность», «Всегочеловека», русского «Хозяина».

6. Война и поствоенный период (1941–1954). Неразрешимый этический конфликт между личностным «Хочу» и общественным «Надо» Пришвин старается перевести в духовную сферу, полагая, что духовное единство пересиливает расхождение в этических оценках. На данную связку накладывается новая оппозиция Сын–Отец.

6.1. Духовное становление личности Пришвин пытается проследить на примере развития героя-инфанта. Но ребенок составляет изначально противоречивый материал, у становящейся личности противоречиво переплетаются потребности самоопределения в обществе и самовыражения. Социальная легитимация и сильно выраженная самость, чувство собственной исключительности составляют основу конфликта в дневниковом и жизненном творчестве Пришвина. Если для Пришвина ребенок – это «Сын», то в евангельских контекстах «сын» не ребенок. Писатель осознавал антиномию личности и коллектива, но шел не на разрешение этой антиномии, а на углубление конфликта между ними.

В произведениях 40–50-х гг. главным героем оказывается мальчик десяти–четырнадцати лет (вариант: андрогинная пара, мальчик и девочка). Как правило, он проходит через ряд

²⁵ М. Пришвин, *Дневники. 1952–1954*, Росток, Санкт-Петербург 2017, с. 20.

испытаний в лесу, в лагере, среди коммунистов, что может расцениваться как своеобразный обряд перехода (*rite de passage*) или инициация, и допускаясь в общество людей. Надо сказать (к чести Пришвина), что «испытаний» среди коммунистов и уголовников мальчик не выдерживает, и только в лесу, во время весеннего разлива рек, вдали от людей, среди зверей, выживает и постигает мудрость человечества. При этом настойчиво даёт о себе знать «минус-приём»: мир, в который на полных правах вступает ребенок, окрашен в определенные политические тона, поэтому ребенок взамен отца, о котором ничего конкретного не говорится, получает новых родителей, в лице представителей НКВД.

6.2. Что интересно, между детьми и родителями устанавливается зона конфликта. По глубокому убеждению писателя, идеология нарушила естественную среду, в которой осуществляется (должна осуществляться) связь поколений. Связь между прошлым и будущим нарушена в отношениях между отцом и сыном. В 1937 году Пришвин упоминает об одном доносе, отчасти напоминающем ситуацию Павлика Морозова, героизированного мальчика-пионера, предавшего отца-кулака: «В газете «Колхозные ребята» прославляется героем мальчишка 14 лет, донесший на своего отца в НКВД». Писателя возмущает донос и его прославление, он видит в этом случае характерную примету времени, хотя ограничивается лишь морализаторством и дает совет «отцам» быть «настороже» и так «воспитывать детей, чтобы они их не предавали»²⁶. Для автора *Кащеевой цепи* линия защиты «отцов» строится таким образом, чтобы дать «отцам» и «сынам» единственно возможную связь – «связь понимания»²⁷.

6.3. 7 апреля 1951 года Пришвин пишет небольшой текст, который можно рассматривать как своеобразный манифест «христианского коммунизма». Он состоит из небольшого тезиса и восьми «поправок», начинающихся с *Nota bene*. Однако оценка, данная действующей власти, беспощадна; автор приходит к мысли, что синтез между коммунизмом и христианством невозможен: коммунизм начинается там, где заканчивается христианство.

По мнению Пришвина, коммунизм строится на отвержении и подмене христианства. Если «путь христианства [...] есть путь

²⁶ М. Пришвин, *Дневники. 1936–1937...*, с. 732.

²⁷ М. Пришвин, *Дневники. 1950–1951...*, с. 357.

от 'хочется' (античный мир) к 'надо' (NB 6), если «Христов путь живой страдающей личности кончается этой могилой жизни, истраченной на друга», то коммунизм «содержит в себе новый путь отношения настоящего («хочется») к будущему ('надо')» (NB 3). Новизна заключается в том, что коммунизм «движется демонстрацией 'хочется' и укрыванием 'надо' (напр., заключенные в лагерях)» (NB 3). Главным грехом коммунизма является то, что вместо «долгой дороги жизни к нему» (Христу – Р.Ш.) объявляется безграничное самоволие и инфантилизм:

Опасность такого коммунизма состоит в том, что при забвении Христова камня рядовой человек предается в распоряжение естественной радости жизни ребенка с его естественным чувством бессмертия, отдается на волю своего «хочется» в противоречии с тем «надо», которое в христианстве давалось смертью²⁸.

В этих условиях мысль Пришвина в очередной раз раздваивается, а взаимоотношения с коммунизмом заходят в тупик. Как писатель, Пришвин держится «на демонстрации права ребенка в отношении радости жизни и естественного чувства бессмертия» (NB 2). Но и «коммунизм питается авансом прав детства, тая от общего глаза свою 'правду' ('надо', смерть и т. п.)» (NB 7). С другой стороны, духовный путь возмужания и зрелости, «история личной души» связаны с «дорогой (подчеркнуто автором – Р.Ш.) от бессмертного 'хочется' ребенка к смертному 'надо' отца» (NB 1). Коммунизм же, двигаясь к отвержению личного начала, имитирует выхолощенную, пустую духовность, заменяя жизнь образами смерти: «'Правда' коммунизма похожа на трухлявый пень, обрастающий цветами, закрывающими пень-правду, или саркофаг фараона» (NB 8).

7. Таким образом, в позднем творчестве Пришвина выделяется попытка подвести коммунизм и христианство под категории своей художественной системы. Следует признать, что в разграничении христианства и коммунизма, религии от псевдорелигии, мысль Пришвина тем не менее подвержена процессу *гибридизации*. Гибридизация выражается в смешении понятий, в совмещении крайностей и полярных идей, в непреодолимой антиномии личного и безличного. Для писателя важно, что духовный рост и зрелость человека связаны с преодолением ребя-

²⁸ Там же, с. 357.

ческого своеволия, «‘Хочется’ Сына». Однако не менее очевидно, что Пришвин не решается расстаться с образом ребенка, в котором воплощается инфантилизм социалистической идеологии, ее самоволие, а также ощущение преемственности поколений и связи времен, христианская идея бессмертия и блаженства.

REFERENCES

- Apanowicz, Franciszek. “Narodnaya zhertva. Obraz revolyutsii v povesti M. Prishvina ‘Mirskaya chasha.’” [Народная жертва. Образ революции в повести М. Пришвина ‘Мирская чаша’]. *Studia Rossica XII. Literatura roszyjska na rozdrazach XX w.*, Warszawa 2003. 31–43.
- Ayrapetyan, Vardan. *Tolkuya slovo. Opyt germenevtiki po-russki*. Moskva: Institut svyatogo Fomy, 2011 [Айрапетян, Вардан. *Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски*. Москва: Институт Святого Фомы, 2011].
- Gachev, Georgiy Dmitriyevich. “Ya – sovetskiy chelovek...’ *Niezavisimaya gazeta* 2.01.1994 [Гачев, Георгий Дмитриевич. “Я – советский человек...” *Независимая газета* 2.01.1994] <<http://vivovoco.astronet.ru/VV/NG/GACHEV.HTM>>.
- Prishvin, Mikhail Mikhaylovich. *Dnevnik. 1923–1925*. Moskva: Russkaya kniga, 1999 [Пришвин, Михаил Михайлович. *Дневники. 1923–1925*. Москва: Русская книга, 1999].
- Prishvin, Mikhail Mikhaylovich. *Dnevnik. 1928–1929*. Moskva: Russkaya kniga, 2004 [Пришвин, Михаил Михайлович. *Дневники. 1928–1929*. Москва: Русская книга, 2004].
- Prishvin, Mikhail Mikhaylovich. *Dnevnik. 1930–1931*. Sankt-Peterburg: Rostok, 2006 [Пришвин, Михаил Михайлович. *Дневники. 1930–1931*. Санкт-Петербург: Росток, 2006].
- Prishvin, Mikhail Mikhaylovich. *Dnevnik. 1932–1935*. Sankt-Peterburg: Rostok, 2009 [Пришвин, Михаил Михайлович. *Дневники. 1932–1935*. Санкт-Петербург: Росток, 2009].
- Prishvin, Mikhail Mikhaylovich. *Dnevnik. 1936–1937*. Sankt-Peterburg: Rostok, 2010 [Пришвин, Михаил Михайлович. *Дневники. 1936–1937*. Санкт-Петербург: Росток, 2010].
- Prishvin, Mikhail Mikhaylovich. *Dnevnik. 1938–1939*. Sankt-Peterburg: Rostok, 2010 [Пришвин, Михаил Михайлович. *Дневники. 1938–1939*. Санкт-Петербург: Росток, 2010].
- Prishvin, Mikhail Mikhaylovich. *Dnevnik. 1940–1941*. Moskva: Rossp-en, 2012 [Пришвин, Михаил Михайлович. *Дневники. 1940–1941*. Москва: Росспэн, 2012].
- Prishvin, Mikhail Mikhaylovich. *Dnevnik. 1942–1943*. Moskva: Rossp-en, 2012 [Пришвин, Михаил Михайлович. *Дневники. 1942–1943*. Москва: Росспэн, 2012].
- Prishvin, Mikhail Mikhaylovich. *Dnevnik. 1944–1945*. Moskva: Novyy Khronograf, 2013 [Пришвин, Михаил Михайлович. *Дневники. 1944–1945*. Москва: Новый Хронограф, 2013].

- Prishvin, Mikhail Mikhaylovich. *Dnevniky. 1950–1951*. Sankt-Peterburg: Rostok, 2016 [Пришвин, Михаил Михайлович. *Дневники. 1950–1951*. Санкт-Петербург: Росток, 2016].
- Prishvin, Mikhail Mikhaylovich. *Dnevniky. 1952–1954*. Sankt-Peterburg: Rostok, 2017 [Пришвин, Михаил Михайлович. *Дневники. 1952–1954*. Санкт-Петербург: Росток, 2017].
- Varlamov, Aleksey Nikolayevich. *Prishvin*. Moskva: Molodaya gvardiya, 2003 [Варламов, Алексей Николаевич. *Пришвин*. Москва: Молодая гвардия, 2003].